
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОПРЕДЕЛЕННАЯ РЕЛИГИЯ

ДЕЛЕНИЕ

Самый очевидный смысл *определенной религии* заключается в том, что религия как таковая берется как род, а определенные религии — как виды. Это отношение рода к видам, с одной стороны, совершенно правильно, именно так в других науках переходят от общего к особенному, однако в этих науках особенное воспринимается лишь эмпирически — *обнаруживается*, что существуют те или иные животные, то или иное право. В философии такой метод неприемлем, особенное не должно присоединяться ко всеобщему, само всеобщее решается на определение, на обособление, понятие разделяется, оно производит из себя изначальное определение. Вместе с определенностью вообще сразу же полагается *наличное бытие* и связь с другим. То, что определено, есть *для другого*, а неопределенного нет вообще. То, для чего есть религия, ее наличное бытие, есть *сознание*. Религия обретает свою реальность в качестве сознания. Под реализацией понятия надо понимать следующее: содержание определяется тем, что оно есть и как оно есть для сознания. Ход нашего изложения таков: мы начали с рассмотрения понятия религии, религии *в себе*; это религия так, как она есть *для нас*, какой мы ее видели; далее, религия, как она сама себя осознает. Или, иными словами, когда мы рассматривали понятие религии, оно было *нашей* мыслью, оно существовало в стихии нашей мысли, мы мыслили понятие, и оно имело свою реальность в нашем мышлении. Однако религия есть не только это субъективное, она объективна в себе и для себя, обладает способом существования для себя, и первая его форма есть форма непосредственности, где религия в самой себе

еще не достигла мысли, рефлексии. Однако эта непосредственность сама себя гонит к опосредствованию, ибо она есть в себе мысль, и лишь в истинной религии познается, что она есть в себе и для себя, что есть ее понятие; действительная религия соответствует понятию. Теперь нам следует рассмотреть, как возникает истинная религия. Религия в своем понятии также еще не есть религия, ибо она существенно наличествует как таковая лишь в сознании. В этом смысл того, что мы здесь рассматриваем, смысл реализации понятия. Процесс реализации в целом уже был установлен выше: понятие заложено в духе, оно являет собой глубочайшую истину духа, однако дух должен достигнуть знания этой истины, лишь тогда истинная религия действительна. Обо всех религиях можно сказать, что они суть религии и соответствуют понятию религии; однако вместе с тем они, будучи еще ограниченными, не соответствуют понятию. Тем не менее они должны его содержать, в противном случае они не были бы религиями, но понятие наличествует в них различным образом, вначале они содержат его только как понятие в себе. Эти *определенные* религии суть лишь *особенные* моменты понятия, и именно потому они ему не соответствуют, так как оно не есть действительно в них. Так, человек в себе свободен, но африканцы, азиаты не свободны, потому что у них нет сознания того, что составляет понятие человека. Религию следует рассматривать в ее определенности; высшее, что достигается и что может быть достигнуто, заключается в том, что определенность есть само понятие. Следовательно, там, где предел снят и религиозное сознание не различено от понятия, там есть идея, полностью реализованное понятие. Однако об этом речь пойдет лишь в последней части.

На протяжении тысячелетий дух трудился над тем, чтобы разработать понятие религии и сделать его предметом сознания. В этом труде он отправлялся от *непосредственности* и *природности*, которые должны были быть преодолены. Непосредственность есть природное; сознание же есть возвышение над природой. Природное сознание есть сознание чувственное, подобно тому как природная воля есть вожделение, а индивидуум, желающий себя в своей природности, особенности, есть чувственное знание и чувственное воление. Религия, однако, есть отношение духа к духу, знание духа о духе в его

истине, а не в его непосредственности, естественности. Определение религии есть продвижение от природности к *понятию*; оно вначале только внутреннее, в себе, а не выход сознания вовне. Об этой двойственности, о том, что понятие есть изначальное, но что его первое существование не есть его истинная изначальность, об этом будет еще сказано ниже.

Прежде всего следует дать *деление* определенных религий, особенные формы, которые здесь следует рассмотреть; сначала это будет сделано в общем виде.

Итак, сфера, к которой мы обратимся прежде всего, содержит *определенную* религию, по своему содержанию еще не выходящую за пределы определенности. В деятельности, направленной на выход из непосредственности, еще не заключена завоеванная свобода, а только *освобождение*, еще *связанное* с тем, от чего оно освобождается.

Прежде всего мы рассмотрим форму *естественной, непосредственной* религии. В этой первой, естественной, религии сознание есть еще естественное и преисполненное чувственного вожделения сознание. Следовательно, оно непосредственно. Здесь еще нет *раздвоения* сознания в нем самом, ибо определенность раздвоения состоит в том, что сознание различает свою *чувственную* природу от *сущностного*, и природное познается только как опосредствованное сущностным. Здесь только и может возникнуть религия.

В этом возвышении до сущностного нам следует остановиться на *самом понятии возвышения*. Здесь предмет определяется тем или иным способом, и это истинное, от которого различает себя сознание, есть бог. Подобное возвышение есть то же самое, что мы в абстрактной форме находим в *доказательствах бытия божия*. Во всех этих доказательствах — одно и то же возвышение; различны лишь отправная точка и природа этой сущности. Однако то, что это *возвышение* к богу определяется так или иначе, — лишь одна сторона. Другая — *обратное* отношение: бог, определенный так или иначе, соотносится с возвысившимся до него субъектом. Тут возникает вопрос, как определен *субъект*; то, каким он себя знает, зависит от того, как определен бог.

Следует также указать *осознанную устремленность* субъекта к этой сущности, и это составляет сторону *культы*, слияние субъекта со своей сущностью.

Деление, следовательно, таково:

1. *Естественная религия.* Она есть единство духовного и природного, и в этом, еще природном, единстве постигается бог. Человек в своей непосредственности есть лишь чувственное, природное знание и природное воление. Поскольку в этом содержится момент религии и момент возвышения еще связан с естественностью, то здесь должно быть нечто более высокое, чем только непосредственное. Это — *колдовство*.

2. *Раздвоение сознания* в себе самом: оно знает себя как только природное и различает от него истинное, сущностное, в котором эта природность, конечность, не имеет значения и осознается как ничтожное. Если в естественной религии дух еще живет в нейтральности с природой, то теперь бог определен как *абсолютная мощь и субстанция*, в которой природная воля, субъект есть лишь *преходящее, акциденция*, нечто, не имеющее самости и свободы. Здесь наивысшее достоинство человека состоит в том, чтобы сознавать себя как ничтожное.

Это возвышение духа над природным вначале, однако, еще не проведено последовательно; в этом нагромождении самых различных духовных и природных сил содержится чудовищная *непоследовательность*. Подобное, еще в себе непоследовательное, возвышение исторически существует в *трех восточных религиях субстанции*.

3. Смешение природного и духовного ведет, однако, к борьбе *субъективности*, стремящейся восстановить себя в своем единстве и своей всеобщности; эта борьба исторически осуществляется также в *трех* религиях, которые составляют *религии перехода* к ступени свободной субъективности. Поскольку, однако, и здесь так же, как и на предыдущих ступенях, дух еще не подчинил себе полностью природное, то эти религии вместе с предшествующими составляют в целом сферу

А. *естественной религии.*

Ей противостоит *вторая ступень определенной религии*, на которой *последовательно* проведено возвышение духа над природным.

В. Религия *духовной индивидуальности или свободной субъективности.*

Здесь начинается *духовное для-себя-бытие* субъекта, здесь мысль — господствующее, определяющее, и природность в качестве сохраненного момента сведена к

видимости, стала акцидентальной по отношению к субстанциальному, в отношении к которому она — только природная жизнь, телесность для субъекта или во всяком случае нечто просто детерминированное субъектом.

Здесь также встречаются три формы.

1. По мере того как выступает духовное для-себя-бытие, оно становится тем, что фиксируется в качестве рефлексии в себе и в качестве *отрицания природного единства*. Следовательно, есть один только бог, который дан в мысли, а природная жизнь как таковая — только нечто положенное, противостоящее богу, не субстанциальное по отношению к нему и есть лишь посредством сущности мысли. Это — *духовно единый*, вечно в себе равный бог, по отношению к которому природное, мирское, конечное вообще положено как несущественное, лишнее субстанциальности. Однако, поскольку этот бог существует лишь *посредством полагания несущественного*, он открывает, что может быть лишь *через* это полагание, а несущественное, видимость не есть его проявление. Это — религия *возвышенного* (*der Erhabenheit*¹).

2. Здесь природность и духовность соединены; но не в непосредственном *соединении*, а в таком *единстве*, где духовное есть определяющее по отношению к телесному, — это телесное ему не противостоит, а есть лишь орган, его выражение, в котором оно изображает себя. Это — религия *божественного явления*, божественной телесности, материальности, естественности, так что это либо явление субъективности, либо в нем содержится явление себе субъективности, являющейся не только для других, но себе. Подобная духовная индивидуальность не есть, таким образом, безграничная индивидуальность чистой мысли, она имеет лишь духовный характер. С одной стороны, здесь природное есть в духовном в качестве тела, и, поскольку духовное так использует тело, субъект, с другой стороны, определяется как *конечный*. Это — *религия красоты*.

В религии возвышенного единый бог есть *господин*, а отдельные индивидуумы относятся к нему, как его *слуги*. В религии красоты субъект также очистился от своего лишь непосредственного знания и воления, но сохранил при этом свою волю и знает себя *свободным*; он знает себя таковым, поскольку он совершил отрицание своей естественной воли и вступил в качестве *нравственного*, свободного в аффирмативное отношение к богу. Од-

нако субъект еще не прошел через сознание добра и зла и их *противоположность* и, следовательно, еще наделен чертами природности. Поэтому если религия красоты составляет ступень *примирения* по отношению к сфере возвышенности, то это примирение еще *непосредственно*, поскольку оно еще не опосредствовано сознанием противоположности.

3. Религия, где начинает выступать понятие, для себя самого определенное, конкретное содержание, и где то, чему служат общие силы природы или даже боги религии красоты, есть цель, — такая религия есть религия *внешней целесообразности*. Конкретное содержание включает в себя такие определенности, в соответствии с которыми единичные дотоле силы подчиняются одной цели. Единичный субъект все еще есть нечто иное, чем божественные силы; они составляют божественное содержание вообще, а единичный субъект есть человеческое сознание, конечная цель. Божественное содержание служит теперь тому высшему выражению субъективности, которого ему не доставало в религии красоты, — осуществлению себя в виде *средства*. Способ, которым здесь проявляется религия, есть внешняя *конечная цель*, целесообразность. Идея самого духа определяет себя в себе и для себя, она есть для себя цель, и эта цель есть только понятие духа, понятие, которое само себя реализует. Здесь духовное также есть цель, оно содержит в себе конкретные определенности, но они здесь еще конечны, еще составляют ограниченную цель, которая тем самым еще не есть отношение духа к самому себе. Единичный дух ищет в богах лишь свою собственную субъективную цель; он хочет *себя*, а не абсолютное содержание.

Религия целесообразности, где в боге положена одна цель, но еще не абсолютная цель, может быть названа и религией *рока*, так как цель еще не есть чистая духовная цель, но в боге сразу же полагается *особенная* цель. Эта особенная цель в своем отношении к другим целям, столь же оправданным, как и она, есть нечто неразумное.

Данное нами деление не следует понимать только в субъективном смысле; это — необходимое деление, являющееся следствием объективной природы духа. Дух в том существовании, которое он обретает в религии, есть первоначально естественная религия; затем, когда в него проникает рефлексия, дух становится свободным в самом себе, субъективным вообще, но эта субъектив-

ность происходит из единства природы и еще соотнесена с ним; это обусловленная свобода. И наконец, третье есть воление духа определить себя в самом себе, то, что являет себя себе как цель, целесообразность и вначале также еще конечно, ограниченно. Таковы основные определения, составляющие моменты в развитии понятия и вместе с тем моменты конкретного развития.

Эти ступени можно уподобить возрастным ступеням человеческой жизни. Ребенок еще пребывает в первом непосредственном единстве воли и природы, как своей собственной, так и окружающей его природы. Вторая ступень — возраст юности, становящаяся для себя индивидуальность, есть живая духовность, еще не полагающая для себя никакой цели; она побуждает себя, стремится и интересуется всем, что входит в сферу ее восприятия. Третья ступень — зрелый возраст, когда человек трудится ради особенной цели, которой он подчиняется и которой он отдает свои силы. И наконец, последняя ступень — старость. В этот период жизни человек видит свою цель во всеобщем, познает его и, возвращаясь от особенной жизни, от труда, к всеобщей цели, к абсолютной последней цели, отказываясь от яркого многообразия наличного бытия, внутренне сосредоточивается в бесконечной глубине в-самом-себе-бытия. Эти определения логически определены природой понятия. В конечном итоге становится очевидным, что первая непосредственность не есть непосредственность как таковая, что она также положена — и дитя есть нечто произведенное.